

Еще тогда, когда в столицу было отправлено первое письмо Гу Фучжоу об отставке, император и его приближенные обсуждали этот вопрос. Они уже давно не могут принять решения. Некоторые придерживались мнения, что, поскольку Гу Фучжоу много лет командовал армией и завоевал сердца и умы солдат, если так пойдет и дальше, солдаты могут привыкнуть подчиняться только приказам главнокомандующего, а не приказам императора. Поскольку Гу Фучжоу сам попросил о возвращении в столицу, добровольно отдавая всю имеющуюся у него военную мощь, император мог просто последовать его желаниям и воспользоваться возможностью вернуть себе контроль над армией. Это можно было бы рассматривать как устранение скрытой опасности для Даюй.

Другая фракция, возглавляемая Сяо Чэном, высмеяла такое заявление. Теперь, когда война на северо-западе зашла в тупик, позволить Гу Фучжоу вернуться означало бы только поколебать сердце армии и дать врагу возможность. Гу Фучжоу в течение всего года находился на северо-западной границе. Он одержал бесчисленные победы. Одного его имени было достаточно, чтобы отпугнуть часть врагов. Если бы Гу Фучжоу покинул северо-запад, армия Западного Ся определенно воспользовалась бы возможностью напасть на город и захватить их крепость. Пусть Чжао Минвэй защитит город? А способен ли он на это?

Императору еще предстояло принять свое императорское решение. Заявления об отставке Гу Фучжоу отправлялись каждые три-пять дней. В последние дни они приходили почти ежедневно. В то же время частота писем Чжао Минвэя об импичменте менялась с одного раза в пять дней до одного письма в десять дней. Раньше он настаивал на обвинении генерала в служебном проступке, но внезапно остановился. Он даже сказал в своем докладе: «Хотя генерал очень ленив, тем не менее, он способен вести нашу армию, одерживая одну победу за другой. Все в порядке, он больше не желает докопаться до сути этого дела».

В то время как солдаты-посыльные отчаянно носились между столицей и Юнляном, армия Западного Ся тоже не бездействовала. В течение месяца они трижды атаковали город. Каждый день, который проходил без одобрения императором его просьбы, был еще одним днем, когда Гу Фучжоу все еще оставался генералом армии Чжэнси. Каждый раз, когда враг атаковал, он некоторое время ворчал и ругался. Затем он неохотно вставал с постели, разрабатывал стратегию перед столом с песком и планировал победу за тысячу миль от поля боя.

Что? Император спросил, почему генерал Гу сам не пошел в бой, чтобы уничтожить их врагов? Это было абсолютно невозможно. Скажем так, подаренное императором копье Цинъюнь Цзючжоу* уже давно пылилось в углу; своего скакуна, чрезвычайно редкого ахалтекинського коня, он перекормил и позволил растолстеть, он даже дал ему очень позорное прозвище.

[Примечание: Примерный перевод - Чистое небо девять областей древнего Китая.]

Что вызывало недоумение, так это то, что Гу Фучжоу каждый раз мог привести их к победе. И не только победить, но и победить красиво. Был даже один случай, когда Гу Фучжоу командовал обороной города, он одновременно отправил команду элитных солдат, воспользовавшись массовой атакой противника, чтобы совершить тайный рейд на город, где враг хранил свои военные припасы. Никто не знал, откуда генерал Гу узнал, что враг хранит свои запасы провизии в маленьком городке менее чем в дне пути от них. Одним словом, в середине осады города до врага внезапно дошло известие о похищенной провизии. Они не

могли ни наступать, ни отступать. В конце концов, они потеряли свою армию после того, как отдали невесту*.

[Примечание: Потерпеть двойную потерю после попытки обмануть врага.]

Это был первый раз, когда Гу Фучжоу проявил инициативу в нападении после излечения от остаточного яда. Все думали, что он вернулся к своей прежней личности. Их высокочтимый и благородный генерал Гу, который вставал рано утром и работал до поздней ночи, вернулся. Кто бы мог подумать, что Гу Фучжоу, усердно проработав всего один день, после победы бросил заявление «дайте всем отдохнуть пару дней, а потом обсудим остальное», а затем два дня пролежал в постели.

Генералы и офицеры были растеряны, убиты горем и полны горечи, но также они были убеждены, что генерал не растерял военного таланта. В любом случае для солдат на поле боя самым важным было суметь выиграть битву и свести количество своих потерь и раненых к минимуму. Только тогда Чжао Минвэй написал в своем докладе: «Забудьте об этом, забудьте об этом. Мы больше не желаем подавать жалобу на генерала, также мы просим Ваше величество больше не заниматься этим вопросом».

Кто бы мог подумать, что, узнав об этом, Гу Фучжоу специально придет искать его, искренне говоря: «Вы не можете сдать на полпути, генерал Чжао. 90 ли из ста это только половина пути*. Вы можете добиться успеха в своем импичменте, если просто пришлете еще один доклад».

[Примечание: 九九九十九 / xǐng bǎi lǐ zhě bàn jiǔshí. букв. 90 ли из ста это только половина пути; последние шаги самые трудные, самое трудное-финал.]

Чжао Минвэй смущенно сказал: «Генерал столько раз приводил нас к победе. Хотя используемые методы сильно отличаются от прежних, важно то, что мы победили. У меня нет высоких требований».

Ненавидя железо за то, что оно не стало сталью, Гу Фучжоу укоризненно посмотрел на него и сказал: «Ты безнадежен! Разве ты не хочешь оттолкнуть меня с пути и занять мое место?»

Чжао Минвэй глубоко вздохнул и сложил руки перед грудью в знак почтения: «Генерал Гу - человек выдающихся способностей и мудрости. Мне стыдно за свою неполноценность. Будет только правильно, если вы останетесь главнокомандующим».

Гу Фучжоу чуть не вырвало кровью: «Ты... не можешь... так поступить... со мной».

Когда хорошие новости достигли столицы, император решительно отклонил отставку Гу Фучжоу. Пусть вас не вводит в заблуждение настойчивое заявление Гу Фучжоу о том, что он больше не хочет воевать, что он хочет вернуться в столицу и уйти в отставку. Если его вынудят выйти на поле боя, он все равно выиграет битву, и никто не сможет усомниться в его доблести.

В таком случае пусть он продолжает воевать в Юнляне. Император также специально распорядился, чтобы Линь Юань Пань оставался рядом с ним, чтобы убедиться в безопасности генерала. А еще пока он там, то должен выяснить причину большой перемены в характере генерала.

Таким образом, в то время как Гу Фучжоу довольно неохотно вступал в бой, он продолжал просить императора позволить ему уйти в отставку. Половина драконьего стола императора была заполнена его просьбами об отставке. Наконец, терпение императора подошло к концу. Он созвал всех министров в дворец Циньчжэн, чтобы обсудить этот вопрос.

Ощущая гнев императора, все молчали. Никто не осмеливался прикоснуться к этому мэйтоу*.

[Примечание: Буквально «заплесневелая голова». Плохие и несчастливые вещи, что-то вызывающее невезение.]

Император поднял брови и холодно сказал: «Я уже опроверг доводы Гу Фучжоу, и все же он продолжает повторять одно и то же, снова и снова. Такое высокомерие, он, должно быть, действительно считает себя неприкасаемым даже для Чжэнь!»

Обиды потоком хлынули из сердец министров. Война на северо-западе была в самом разгаре. В этот критический момент Гу Фучжоу действительно был почти неприкасаемым. Однако кто осмелится сказать эту правду императору?

В конце концов, встал наследный принц. Сяо Чэн собрал разбросанные отчеты, рассортировал их и положил на стол. Он сказал: «Отец, пожалуйста, успокойтесь. Я думаю, что, поскольку Гу Фучжоу все еще способен принести победу, ему было бы лучше остаться в Юнляне. Это время, когда нужно использовать своих людей. Тот, кого можно использовать, естественно, должен быть использован в нужном месте».

Император сильно ударил кулаком по столу, закричав: «Когда он отвлекается на мысли о том, чтобы поспешить домой, как он может защитить северо-запад для меня!»

«Тогда подождите, пока он действительно не проиграет. К тому времени еще не поздно будет заменить его».

Министры обменялись непроницаемыми взглядами. Военный министр сказал: «Если генералу Гу действительно запрещено возвращаться, может ли он намеренно проиграть врагу?»

Сяо Чэн улыбнулся и сказал: «Если он намеренно проиграет битву, покинет город или приведет к потерям среди своих солдат, как он все еще сможет сохранить нынешнее положение в армии? Когда это время придет, Ваше величество вернет себе военную власть. Кто из генералов тогда заступился бы за него?»

Император медленно сел на драконье кресло и сказал: «Это, безусловно, один из способов решения проблемы».

Сяо Чэн сказал: «Кроме того, учитывая, как сильно Гу Фучжоу хочет вернуться в столицу, его причина не должна быть такой простой, как просто желание уйти в отставку. Я умоляю моего отца, Ваше величество, отправьте отряд Тяньцзи*, чтобы выяснить настоящую причину».

[Примечание: 天機 / tiānjī. Шесть звёзд Южного Ковша / Небесный Механизм / Небесные тайны / тайна, известная только небесам.]

Император был весьма доволен, он потер лоб и сказал: «Тогда я поручу это дело наследному принцу».

Сяо Чэн с беспокойством спросил: «Отец плохо себя чувствует?»

Император закрыл глаза и сказал: «Это не проблема, просто старая болезнь».

Все сказали в унисон: «Желаю, чтобы Ваше величество заботился о своем здоровье».

Император махнул рукой и жестом приказал им удалиться. Сяо Чэн вышел из дворца Циньчжэн, он вызвал Сюэ Ина и спросил: «В последнее время отец страдал от головных болей?»

Сюэ Ин: «Да. Его величество обеспокоен войной на северо-западе».

«Тогда пусть Чу Чжэндэ проверит состояние императора».

Сюэ Ин: «Этот слуга должен немедленно послать кого-нибудь за ним».

Чу Чжэндэ служил помощником Юань Пана в Императорской лечебнице. Ему было шестьдесят пять лет, и он был самым квалифицированным специалистом во всей Императорской лечебнице. Несмотря на это, он уже десять лет занимает должность помощника Юань Пана.

В медицине, как и в поэзии и фехтовании, существуют разные школы мысли. Чу Чжэндэ и Линь Юань Пань принадлежали к разным фракциям, их взгляды долгое время расходились, и было неизбежно, что он питал некоторые чувства неодобрения по отношению к другому. По этой причине он не испытывал добрых чувств и к сыну Линь Юань Паня.

После прибытия Линь Циньюй в Императорскую лечебницу Ху Цзи повел его знакомиться со всеми коллегами и старшими. Независимо от того, что другие думали о нем, внешне они были вежливы. Только Чу Чжэндэ, как только он подошел, сказал: «Ты тот невежественный юноша*, который придумал рецепт лекарства от эпидемии?»

[Примечание: 黄口小儿 / huángkǒuxīǎoér. Желторотый юнец, сосунок, молокосос. Метафора для поверхностного и наивного человека. Относится к молодым и невежественным людям. В основном его используют для насмешек и ругани.]

Линь Циньюй ответил: «Да».

Чу Чжэндэ, поглаживая бороду, покачал головой и вздохнул: «Другие, если они хотят поступить в Императорскую лечебницу, должны пройти десятилетия напряженной учебы, сдать сложный экзамен Императорской медицинской канцелярии, а затем учиться в Императорской медицинской канцелярии не менее трех лет. В то время как вы, жена недавно умершего мужа, полагались на рецепт сомнительной эффективности, чтобы обойти экзамен и попасть в Императорскую лечебницу, и все это еще до того, как достигли двадцати лет... Увы, с каждым днем общественная мораль падает все ниже».

Ху Цзи сказал: «Слова императорского лекаря Чу неверны. С древних времен герои нашей страны все были молоды. Когда сам Линь Юань Пань поступил в Императорскую лечебницу, ему тоже было всего 20 лет. Более того, рецепт императорского лекаря Линь не вызывает сомнений в его эффективности. Уже доказано, что он оказывает чудесное воздействие при излечении болезни».

Чу Чжэндэ усмехнулся и сказал: «Все должны продвигаться шаг за шагом. Чем более чудесный эффект, тем больше вам приходится беспокоиться о его потенциальном вреде. Я просто боюсь, что даже если рецепт императорского лекаря Линь действительно излечит эпидемию, это может вызвать много проблем у пациента».

Линь Циньюй сказал: «Предпосылкой существования любой проблемы является то, что пациент должен быть жив».

Лицо Чу Чжэндэ потемнело. Он собирался снова возразить, когда его окликнул Сяо Сунцзы из дворца Циньчжэн.

Ху Цзи сказал: «Именно таков императорский лекарь Чу. Пожалуйста, не принимайте это близко к сердцу».

Линь Циньюй кивнул и сказал: «В конце концов, он в течение десяти лет занимал должность помощника Юань Пана. Я могу понять».

Он уже слышал, как его отец раньше упоминал Чу Чжэндэ. Отец Линь признавал медицинские навыки Чу Чжэндэ, а также считал, что только с точки зрения квалификации Чу Чжэндэ должен быть Юань Панем. Однако десять лет назад Чу Чжэндэ было приказано обеспечить, чтобы любимая наложница императора смогла благополучно родить ребенка. У императора было всего несколько наследников мужского пола, а женщина, в которой он души не чаял, была беременна, поэтому этому нерожденному ребенку придавалось большое значение. И все же под заботливой опекой Чу Чжэндэ у любимой наложницы случился необъяснимый выкидыш. Чу Чжэндэ был обвинен в нарушении служебных обязанностей. Какими бы

блестящими ни были его медицинские навыки, он всегда будет только помощником Юань Пана.

Чувства Чу Чжэндэ были написаны на его лице. Не о чем было беспокоиться. Напротив, именно те коллеги, которые внешне улыбались ему, но скрывали свои истинные намерения, были более достойны внимания Линь Цинюй.

Он был новичком, и этот первый день прошел довольно неторопливо. После окончания дежурства в Императорской лечебнице он покинул дворцовый комплекс через северные ворота и пришел в Императорскую медицинскую канцелярию, направляясь прямо в библиотеку.

Была поздняя ночь, здание библиотеки было пусто, а у дверей стояли два охранника. Император предоставил Линь Цинюй право свободно входить и выходить из Императорской медицинской канцелярии. Несмотря на то, что комендантский час уже миновал, охранники все равно открыли дверь для Линь Цинюй и передали фонарь: «Если у императорского лекаря Линь будут какие-то просьбы, пожалуйста, дайте нам знать».

Линь Цинюй толкнул дверь и зашел внутрь. Перед ним появились ряды двухэтажных книжных полок, которые, казалось, тянулись бесконечно. Ходили слухи, что потребуются десятилетия, чтобы прочитать все медицинские книги в библиотеке Императорской медицинской канцелярии. Линь Цинюй поднял фонарь повыше. Дважды обойдя все вокруг, он нашел несколько давно утерянных работ предыдущих династий.

В конце здания библиотеки была запертая железная дверь, за которой должны были находиться медицинские записи императорской семьи со времен основания Даюй. Напротив библиотеки находился Зал Тысячи Трав, где вы могли найти любые экзотические ингредиенты, какие душа пожелает.

Это была Императорская медицинская канцелярия – вершина медицинской мысли страны.

Линь Цинюй пробыл в библиотеке два часа. Когда он вышел, была уже четвертая вахта. Он вдруг вспомнил, что здесь есть ингредиент для рецепта, который он не мог найти нигде в столице, поэтому он повернул назад и направился в Зал Тысячи Трав.

Как только он вошел в дверь, то увидел в коридоре человека, идущего к нему. Этот человек не мог быть учеником Императорской медицинской канцелярии. Но, судя по его спокойной походке, он не был похож на вора.

Мужчина тоже заметил его и серьезно спросил: «Кто там?»

Линь Цинюй только почувствовал, что голос этого человека показался ему чем-то знакомым. Он почувствовал сильный запах крови и понял, что мужчина серьезно ранен.

«Императорский лекарь Линь из Императорской лечебницы, Линь Цинюй».

Шаги мужчины внезапно остановились.

Линь Цинюй поднял фонарь и посмотрел на него. Первое, что он увидел, была окровавленная черная одежда и окровавленный клинок.

После того как Линь Цинюй ясно увидел лицо этого человека, его сердце дрогнуло.

«Это ты».

<http://bllate.org/book/15122/1336663>